

В.П. Даниленко (Иркутск)

**РОЛЬ МОРФОЛОГИЗАЦИИ В ИНКОРПОРИРОВАНИИ
СЛОВСОЧЕТАНИЙ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ**

Автор анализирует фактор флективной морфологизации в инкорпорировании словосочетаний и предложений. Проводится граница между полной и частичной инкорпорацией.

The paper analyses the role of affixational morphology in incorporation of word collocations and sentences. The author distinguishes complete from partial incorporation.

Вильгельм фон Гумбольдт помещал инкорпорированные языки, как и агглютинативные, между флективными и изолирующими. Он писал: «Если взять в сочетании оба эти способа (флективный и изолирующий – В.Д.), какими единство предложения фиксируется в понимании, то окажется, что есть ещё и другой, противоположный им обоим способ, который здесь удобнее было бы считать третьим. Он заключается в том, чтобы рассматривать предложение вместе со всеми его необходимыми частями не как составленное из слов целое, а, по существу, как отдельное слово» (Гумбольдт 1984: 141).

Что значит «рассматривать предложение как отдельное слово»? А что позволяет нам делить предложение в неинкорпорированных языках на отдельные слова? Во-первых, паузы, а во-вторых, ударения: как правило, они отделяются друг от друга определенными паузами и имеют соответственные ударения. В инкорпорированных языках ударение (акцентуация) оказывается принадлежностью не отдельных слов, а словосочетаний (при частичном инкорпорировании) или целых предложений (при полном инкорпорировании). Единую акцентуацию, объединяющую несколько слов в предложении или целое предложение, таким образом, следует рассматривать как первый признак (фактор) инкорпорации.

Сравнение инкорпоративного словосочетания или предложения со словом указывает нам и на второй признак инкорпорации – корнесловность частей, из которых состоит инкорпоративный комплекс. Но в этом случае сравнение, о котором идет речь, надо уточнить: речь идёт о сравнении этого комплекса не с простым словом, а со сложным, состоящим из нескольких корнесловов.

А какова роль морфологизации в инкорпорировании словосочетаний и предложений? Под морфологизацией мы понима-

ем процесс перевода слова из его лексической (начальной) формы в морфологическую. В качестве основного средства морфологизации во флективных языках используются аффиксы, среди которых ведущая роль принадлежит флексии (*стол* → *стол-а*, *стол-у* и т.д.). Процесс, обратный морфологизации, называется деморфологизацией.

Можем ли мы рассматривать морфологизацию в инкорпорирующих языках как третий признак (и второй фактор) инкорпорации? Положительный ответ на этот вопрос может быть в общем виде сформулирован следующим образом: если в неинкорпорирующих языках аффиксальная морфологизация способствует делению предложений на слова (например, флексия свидетельствует о его конце), то в инкорпорирующих языках она способствует либо отграничению инкорпоративных словосочетаний от других членов предложения, либо отграничению инкорпоративных предложений от других предложений. Кроме того, как и в неинкорпорирующих языках, в инкорпорирующих языках она осуществляет формообразование. Разница здесь состоит только в том, что в первых с её помощью образуются морфологические формы слов, а во вторых – морфологические формы либо словосочетаний, либо предложений.

Выходит, в неинкорпорирующих языках акцентным единством и аффиксальной морфологизацией обладает, как правило, слово, а в инкорпорирующих – словосочетание или предложение. Эти языки будто по ошибке оторвали акцентное единство и аффиксальную морфологизацию от слова и перенесли их на синтаксические конструкции, тем самым создав инкорпоративные комплексы.

Если в неинкорпорирующих языках синтетическая тенденция доведена лишь до сложных слов (напр., *завкафедрой*), то в инкорпорирующих она оказалась намного более сильной. При частичном инкорпорировании она превращает в акцентные единства сочетания слов, а при полном инкорпорировании – целые предложения. Пример частичного инкорпорирования из чукотского языка: *Танкляволя* (Хороший мужчина) *кораны* (оленья) *пэлянэй* (оставил). В инкорпоративную группу здесь слилось лишь словосочетание «*тан* (хороший) + *кляволя* (мужчина)». При этом окончание «-я» в «*клявол-я*» относится к этому словосочетанию в целом. Оно способствует слиянию прилагательного и существительного в одну акцентную единицу. С его помощью морфологизируется не отдельное слово, а целое сло-

восочетание. Пример полного инкорпорирования из этого же языка: *Тымынгынторкын* (Я руки вынимать буду). В инкорпоративный комплекс здесь слилось целое предложение. Вот тут-то и возникает необходимость, как говорил В. Гумбольдт, рассматривать предложение как слово.

Если инкорпоративный комплекс напоминает сложное слово, то, может быть, следует рассматривать инкорпорирование как явление словообразовательное? По поводу различных точек зрения на сущность инкорпорации Иван Иванович Мещанинов писал: «Вопрос о сущности инкорпорации и её роли в языке до настоящего времени является дискуссионным. Одни исследователи рассматривают инкорпорацию как словообразование типа словосложения, другие – как один из способов выражения синтаксических отношений, третьи считают невозможным отнести инкорпорацию ни к словообразованию, ни к синтаксическому приёму, а определяют её как присущее определённым языкам своеобразное морфолого-синтаксическое явление» (Мещанинов 1978: 29). Подобные точки зрения на строевую природу инкорпорации высказывали и другие типологи. Так, П.Я. Скорик писал: «У исследователей нет единства мнений об этом явлении. Одни из них понимают инкорпорацию как приём словообразования, другие – как приём словосочетания, третьи считают, что она не сводима ни к первому, ни ко второму, представляет собой присущий определённым языкам специфический приём, посредством которого в морфологической конструкции выражаются значения, соответствующие (но не тождественные) синтаксическим» (Языки-5 1968: 246).

Я рассматриваю инкорпорацию как явление фразообразовательно-морфологическое. Инкорпорация в этом случае вписывается в процесс построения нового предложения (фразообразования). В качестве исходной модели при этом принимается трёхчастное представление о данном процессе. Это представление, на мой взгляд, является универсальным, т.е. применимым к фразообразовательной деятельности говорящего на любом языке. Исходя из него, мы можем поделить фразообразовательный акт на три периода – лексический, морфологический и синтаксический. В первый из них мы имеем дело с лексическим состоянием создаваемого предложения, во второй – с его морфологическим состоянием и в третий – с его синтаксическим состоянием (см. подр. Даниленко 2003: 208-229).

В какой же из указанных периодов фразообразования осуществляется инкорпорация? Очевидно, во второй, морфологический. Именно в этот период в неинкорпорирующих языках происходит морфологизация лексем, отобранных говорящим для создаваемого предложения в первый период фразообразования, а в инкорпорирующих языках в этот период морфологизируется не слово, а словосочетание или предложение. Так, в лексический период фразообразования при создании предложения «*Танкляволя* (Хороший мужчина) *кораны* (оленья пэлянэй (оставил))» говорящий отбирает, в частности, лексемы «*тан*» (хороший) и «*клявол*» (мужчина), а в морфологический период фразообразования он соединяет эти лексемы в единый инкорпоративный комплекс с помощью окончания «-а». Оно имеет в чукотском языке значение творительного падежа. Вот почему анализируемое предложение более точно следует перевести на русский так: «Хорошим мужчиной олень был оставлен».

Рассмотрение инкорпорации как явления фразообразовательно-морфологического позволяет в какой-то мере по-новому взглянуть на её известные виды – частичную инкорпорацию и полную.

Частичная инкорпорация. И.И. Мещанинов следующим образом определял данный вид инкорпорации: «В нём сливается не всё предложение в его целом (полное инкорпорирование), а лишь те составные его части, которые наиболее друг с другом связаны по своему смысловому значению» (Мещанинов 1978: 33).

Факту слияния слов в инкорпоративном комплексе автор только что приведённых слов придавал настолько большое значение, что он расценивал этот комплекс как один член предложения. Вот почему термин «инкорпоративное словосочетание» был для него неприемлем. Не мог он принять, следовательно, и термина «член предложения» по отношению к компонентам инкорпоративного комплекса. Он, в частности, писал: «Сохраняя укоренившуюся традицию и следуя ей, я не считаю себя вправе, при всех сделанных выше оговорках, отождествлять части инкорпорирования с членами предложения» (Там же: 32).

Не признавать «части инкорпорирования» за члены предложения с точки зрения теории фразообразования означает не что иное, как отождествление инкорпоративного комплекса со

словом (или, по крайней мере, чрезмерное их сближение), какие бы при этом оговорки ни делались. Недаром И.И. Мещанинов называл инкорпоративные предложения «словами-предложениями». Он писал: «...инкорпорированный состав формально представляет собою слово, но по содержанию он является предложением. Это – слово-предложение» (Там же: 86).

Между тем инкорпоративный комплекс лишь по некоторым признакам – единой акцентуации, сложной корнесловности и аффиксальной морфологизации – напоминает сложное слово, но не более того. Сам этот комплекс строится из самостоятельных лексических единиц, которые поступают в горнило фразообразовательного процесса в том же качестве, а в дальнейшем превращаются в полноценные члены предложения, хотя и оказываются в более тесном соседстве друг с другом, чем в неинкорпорированном предложении. Вот почему термины «инкорпоративное словосочетание» и «инкорпоративное предложение» вполне оправданны. В первом случае мы и имеем дело с частичной инкорпорацией.

В качестве примера частичной инкорпорации И.И. Мещанинов, в частности, приводил чукотское предложение «*Танкляволя кораны пэлянэй* (Хорошим мужчиной олень был оставлен)», где представлена инкорпорация определения «*тан*» и «*клявол-я*». Почему мы здесь именно с инкорпорацией? Потому что падежная флексия «-я» не повторяется дважды, а относится одновременно к определению и определяемому слову. Эта флексия, таким образом, морфологизирует данное словосочетание в целом и тем самым осуществляет его инкорпорацию. У прилагательного в составе этого инкорпоративного словосочетания флексия отсутствует. Оно представлено лишь его основой, а не словоформой.

Если в русском языке морфологизация адъективного определения и определяемого субстантива осуществляется в акте фразообразования отдельно и в разное время (*мужчин-ой* → *хорош-им*), т.е. обладает диахроничностью, то в чукотском языке мы имеем дело с морфологизацией, представляющей собою единовременный акт, т.е. обладающей синхроничностью. Вот почему в составе русского словосочетания представлено две морфологические формы слова, а в составе чукотского – одна морфологическая форма словосочетания.

Далеко не всякая флексия обладает инкорпорирующей (объединяющей) силой. Так, в атрибутивных словосочетаниях этой силой может обладать падежная флексия лишь в том случае, если падеж в данном языке присущ не только существительным, но и прилагательным. И.И. Мещанинов в связи с этим приводит пример словосочетания из казахского языка, где прилагательные не изменяются как по падежам, так и по числам (ср.: *жақсы бала* «хороший ребёнок» с *жақсы балалар* «хорошие дети», *жақсы бала-лар-да* «у хороших детей»). Генетивная флексия «-да» в последнем случае инкорпорирующей силой не обладает. В отличие от чукотской «-я» в «*танклявол-я*», где флексия является общей для существительного и прилагательного, казахские субстантивные флексии не в состоянии объединять определяющий адъектив с определяемым субстантивом в инкорпоративный комплекс, поскольку они имеются только у существительных, но отсутствуют у прилагательных (Там же: 35).

Инкорпоративной, таким образом, мы можем считать только ту флексию, которая одновременно относится, в частности, к существительному и прилагательному в атрибутивном словосочетании. Только в этом случае мы имеем дело с инкорпоративным словосочетанием, состоящим из двух лексических основ – адъективной и субстантивной – и инкорпоративной флексии.

Поучительна в связи с этим ошибка И.И. Мещанинова, который в силу малоизученности нивхского (гиляцкого) языка в первой половине XX века стал рассматривать в качестве инкорпоративных комплексов в этом языке, в частности, объектные словосочетания типа *чо худь* «рыбу ловит», где у глагола *худь*, имеется предикативный показатель «-дь», который за инкорпоративный принят быть не может, поскольку имеет отношение только к словам, выступающим в предложении в роли сказуемого. В приводимом же примере И.И. Мещанинова *чо «рыбу»* выступает в роли дополнения. Вот почему мы имеем здесь дело не с инкорпоративным комплексом, как ошибочно полагал И.И. Мещанинов, а с обычным словосочетанием, состоящим из двух словоформ.

Подобные ошибки И.И. Мещанинов допускал в своих работах не только в отношении объектных, но и атрибутивных словосочетаний нивхского языка. Вот как комментирует эти ошибки Владимир Зиновьевич Панфилов – ученик И.И. Ме-

щанинова: «Дальнейшими исследованиями слабо изученного в 30-х гг. нивхского (гиляцкого) языка было установлено, что сочетания определения и определяемого, прямого дополнения и сказуемого, представляя собой тесные синтаксические единства (о чём, в частности, свидетельствуют чередования, при определённых комбинаторных условиях, начальных смычных и щелевых вторых компонентов), тем не менее не образуют инкорпорированных комплексов, так как их знаменательные компоненты представляют собой не основы слов, а словоформы; см.: Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка, ч. 2. Л., 1965, с. 23-30» (Мещанинов 1975: 95).

Как показал П.Я.Скорик (Языки-5 1968: 258) и в чукотском языке атрибутивные отношения не всегда выражаются посредством инкорпоративных словосочетаний. Так, в некоторых случаях эти отношения выражаются с помощью обычных словосочетаний: *нытурқинэ-тэ купрэ-тэ* «новой (той, которая новая) сетью», *никвықинэ-к рэй-ык* «на высокой (на той, которая высокая) горе», где в первом случае в качестве окончания творительного падежа дважды выступает «-тэ», а во втором – в этом качестве выступает флексия местного падежа «-к/-ык». Однако тенденция к инкорпоративному выражению атрибутивных отношений в чукотском языке преобладает над противоположной тенденцией. Вот почему, как правило, вместо приведённых неинкорпоративных словосочетаний, чукчи употребляет инкорпоративные: *тур-купрэ-тэ* «новой сетью», *икв-ырэй-ык* «на высокой горе», где мы имеем дело с инкорпоративными флексиями «-тэ» и «-ык».

В построении атрибутивных инкорпорированных словосочетаний роль морфологизации очевидна: словосочетание сливается здесь воедино не только с помощью ударения, но и с помощью окончания («-я» в *танклявол-я*, «-тэ» в *тур-купрэ-тэ* «новой сетью» и т.д.). Акцентуационный и морфологизационный факторы инкорпорирования здесь действуют на равных. А как обстоит дело с объектными (сказуемое + дополнение) инкорпоративными словосочетаниями?

Ведущая роль в инкорпорировании объектных словосочетаний принадлежит акцентуационному фактору, тогда как морфологизационный выступает в этом случае как фактор вспомогательный. Дело в том, что акцентуационный фактор в акте инкорпорации имеет ограниченные возможности: его создателю слишком трудно поместить под крышку одного ударения

чересчур длинный инкорпоративный комплекс. В этом случае он вынужден его сокращать. Может ли он это сделать за счёт морфологического показателя? Языки, использующие инкорпорацию, дали на этот вопрос отрицательный ответ. Они избрали другой путь. Он направлен на сокращение длины инкорпоративных комплексов за счёт деморфологизации лексических форм слова, входящих в него. Лексическая форма слова – за счёт её деморфологизации – сокращается до основы (или корнеслова). Это позволяет акцентуационному фактору инкорпорации справиться со своей задачей.

Но при чём здесь морфологизационный фактор? В акте инкорпорации он выполняет вспомогательную роль по отношению акцентуационному. Эту роль можно даже назвать провоцирующей. Дело в том, что в языках, о которых идёт речь, система морфологических показателей весьма развита. Так, в чукотско-камчатских языках (чукотском, корякском, алюторском и др.) система склонения и спряжения по своей сложности превосходит соответственную систему в русском языке (например, в чукотском языке вместо наших шести падежей – девять, в (Языки-5 1968: 253), в корякском – двенадцать (Там же: 275), в алюторском – десять (Там же: 297). Кроме привычных падежей, здесь имеются также эргативный, отправительный, определительный, назначительный, сопроводительный и др. Система субстантивного склонения в этих языках по своей разветвлённости превосходит русскую не только за счёт большего числа падежей, но ещё и за счёт специфических морфологических категорий. Так, существительное в чукотском языке изменяются не только по падежам и числам, но также и по лицам (Там же: 252). В чукотско-камчатских языках нашла морфологическое выражение такая категория, как «ЧЕЛОВЕК/НЕЧЕЛОВЕК». Богатство морфологической системы этих языков очевидно. Но оно не существует само по себе. Оно требует своей реализации в акте фразообразования посредством морфологизации.

При использовании инкорпорации чукотско-камчатские языки избирают путь, который направлен на деморфологизацию в инкорпоративных комплексах внутренних лексем и морфологизацию внешних. Последняя выполняет в этих языках провоцирующую роль по отношению к первой. Как это понимать? Внешняя морфологизация удлиняет инкорпорированное словосочетание, но её, тем не менее, необходимо осуще-

ствить, поскольку этого требует морфологический строй этих языков и ясность выражаемой мысли. Вот почему для своей реализации внешняя морфологизация провоцирует в случае выбора инкорпоративного способа оформления словосочетания в этих языках внутреннюю деморфологизацию. Иными словами, морфологизация конечных членов инкорпоративных словосочетаний провоцирует говорящего в этом случае на освобождение его внутренних членов от их морфологических показателей. Морфологизация здесь помогает акцентуационному фактору инкорпорации в конечном счёте сократить создаваемые инкорпоративные комплексы за счёт избавления его внутренних членов от их морфологических показателей. В этом и состоит здесь вспомогательная (провоцирующая) роль морфологического фактора инкорпорации по отношению к акцентуационному.

При использовании инкорпорации чукотско-камчатские языки жертвуют морфологизацией внутренних членов инкорпоративных словосочетаний за счёт морфологизации его внешних членов. Между внутренней морфологизацией и внешней они выбирают последнюю. Такой выбор, очевидно, оправдан. Если бы он вредил этим языкам осуществлению их функций, то их носители, по-видимому, отказались бы от инкорпорирования синтаксических конструкций. Между тем оно в них до сих пор существует. С его помощью их носители создают не только атрибутивные, но и объектные словосочетания.

Так, в чукотском предложении «*Тумгыт (товарищи) копра-нтыват-гъят (сеть поставили)*» мы имеем дело с объектным инкорпоративным словосочетанием «*копра-нтыват-гъят*», где первый элемент представляет собою деморфологизированное и фонетически изменённое существительное *купрэ-н* «сеть». Оно обозначает объект действия и является дополнением. Деморфологизация здесь выпала на долю флексии им. п. и ед. ч. «-н». Зато глагольное сказуемое *нтыват-гъят* «поставили» подверглось в акте инкорпорации этого словосочетания флективной морфологизации: окончание «-гъят» указывает на прошедшее время. Оно относится только к сказуемому. Вот почему ему нельзя приписывать такую же роль в акте инкорпорации объектного словосочетания, как флексии «-я» в *такклявол-я* в атрибутивном словосочетании. Его нельзя назвать инкорпоративным (т.е. общим для инкорпорированного словосочетания), но

всё-таки и при выражении объектных отношений он участвует в акте инкорпорации. Его употребление провоцирует здесь деморфологизацию дополнения, чтобы получить словосочетание, длина которого была бы посильна одному ударению.

Если говорящий на чукотском языке выбрал бы неинкорпорирующий способ обозначения упомянутой ситуации, то он создал бы предложение «*Тумгыт* (товарищи) *эна-нтыват-гъят* (поставили) *купрэ-тэ* (сеть), где отдельной морфологизации подвергается каждый член объектного словосочетания. Тот и другой – инкорпорирующий и неинкорпорирующий – способы описания подобных ситуаций в чукотском языке сосуществуют на равных. Достоинство первого состоит в его краткости, а достоинство второго – в более детальном описании данной ситуации. Что лучше? Оба лучше: в одном дискурсе лучше первый, а в другом – второй.

Полная инкорпорация. В единый инкорпоративный комплекс в этом случае сливаются все члены предложения. В случае двусоставного нераспространенного предложения подлежащее сливается со сказуемым. В статье В.П. Недеялкова (Недеялков 1982) помещено огромное количество инкорпорированных предложений этого типа из чукотского языка. Вот некоторые из них:

- 1) *Въэй-инини-гъи* «Трава появилась»;
- 2) *Илы-рзу-гъи* «Дождь прошёл»;
- 3) *Тэрк-амэчат-гъэ* «Солнце зашло».

Во всех этих предложениях инкорпорированию способствовала внешняя морфологизация глагольного сказуемого посредством окончания прошедшего времени «-гъэ» и внутренняя деморфологизация субстантивного подлежащего.

Инкорпорироваться в чукотском языке могут и распространенные предложения. Здесь можно вспомнить о примере, уже приведённом выше: *Ты-мынгы-нто-ркын* «Я руки вынимать буду», где в инкорпоративный комплекс вовлечено деморфологизированное дополнение. Иногда в инкорпоративное предложение в чукотском языке вовлекается и обстоятельство (Недеялков 1982). Но в целом чукотско-камчатские языки относятся к агглютинативному типу, поскольку большая часть синтаксических конструкций в них строится без участия инкорпорации и лишь незначительная их часть – с её участием. Инкорпорирование составляет ведущую черту некоторых североамериканских индейцев.

Главная черта инкорпорирующего типа языка – краткость корневых и аффиксальных морфем. Это облегчает акцентуационному фактору осуществлять в языках этого типа инкорпорирование целых предложений. Так, в индейском языке чинук инкорпоративное предложение *Inialudam* «Я пришел, чтобы отдать ей это» состоит из следующих компонентов: *I* – показатель прош. вр., *n* – показатель 1 л. и ед. ч., *i* – корень «это», *a* – корень от «она», *l* – показатель объекта, *u* – показатель действия, *d* – корень от «давать» и *am* – показатель цели.

Пример из языка нутка: *Inikwihlminihisita* «Несколько маленьких огней горели в доме», морфологизация осуществлена за счет *minih* – показателя мн. ч., *it* – показателя прош. вр., *a* – показателя изъявитель. накл. Другой пример из этого же языка: *Inikwihlminihisita* «Несколько маленьких огней горело в доме», где *Inikw* (огонь, гореть), *ihl* (дом), *minih* (мн. ч.), *is* (элемент, указывающий на уменьшительность), *it* (прош. вр.), *a* (изъявитель. накл.).

Структура последнего предложения аналогична структуре чукотского предложения *Тэрк-амэчат-гээ* «Солнце зашло», поскольку в обоих этих предложениях сначала идут лексические элементы, а затем – морфологические. Первое предложение тоже начинается с лексического компонента *I* «я» и кончается морфологическим – *-am*, однако внутри этого предложения несколько внутренних морфологических показателей – времени, лица и др. Их можно уподобить внутренним флексиям, имеющимся в отдельных морфологических формах слова в иврите: *ГНоБ* – «воровать», *ГаНаБ* – «воровал», *ГоНэБ* – «ворующий», *ГаНуБ* – «воруемое» и т.д.

Сделаем выводы.

1. Инкорпоративные словосочетания и предложения – это фразообразовательные аббревиатуры. Если в сложных словах типа *авиабилет*, *агротехника*, *оргработа*, *завкафедрой* и т.п. аббревиация осуществляется не только за счёт деморфологизации их первых производящих слов, но и за счёт усечения их лексических основ (например, от *заведующий* в *завкафедрой* остались одна приставка *за-* и только один звук *в-* от корня), то в инкорпоративных комплексах аббревиация осуществляется, как правило, за счёт одной деморфологизации их внутренних членов. Сравнение инкорпорации со словообразовательной аббревиацией не должно нас уводить слишком далеко, поскольку словообразовательно-фразообразовательный изомор-

физм имеет свои границы. Разница между инкорпорированием (фразообразовательной аббревиацией) и словообразовательной аббревиацией состоит в том, что последняя осуществляется в акте словообразования, а вторая – в акте фразообразования. Первая направлена на создание нового слова, а вторая – на создание нового предложения.

2. В случае с построением инкорпоративных словосочетаний и предложений в акте фразообразования действуют два фактора – акцентуационный и морфологизационный. Их совместное действие приводит к сокращению создаваемых синтаксических конструкций либо до инкорпоративных словосочетаний (частичное инкорпорирование), либо до инкорпоративных предложений (полное инкорпорирование).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
2. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Л.: Наука, 1978.
3. Языки народов СССР. Том 5. / Под гл. ред. В.В.Виноградова. – Л.: Наука, 1968.
4. Даниленко В.П. Общее языкознание. – Иркутск: ИГЛУ, 2003.
5. Мещанинов И.И. Проблема развития языка. – Л.: Наука, 1975.
6. Недалков В.П. Чукотские глаголы с инкорпорированным подлежащим (тип: *н'энгны ы'л-ы-мле-гги* 'с горы обвалился снег', букв. «гора снего-обвалилась») // Категория субъекта и объекта в языках различных типов / Под ред. С.Д. Кацнельсона, И.О. Гецадзе, С.А. Шубика. – Л.: Наука, 1982.

Получено 02.12.2006 Иркутский государственный лингвистический университет

Даниленко, Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего и классического языкознания Иркутского государственного лингвистического университета; dvp@home.isu.ru.